

ЮЛИЯ
МИХАЛЕВА

ГИБЛАЯ

Юлия Михалева

Гиблая

<https://litres.ru/73858461>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гиблая – ночной кошмар жителей раздробленных княжеств Древней Руси. Её именем пугают детей, а взрослые точно знают: там, где она появится, спасения не будет. Кровь и огонь – её верные спутники, и не уцелеет ничто. По слухам, убить Гиблую невозможно: она и есть сама смерть. А ещё говорят, что она – вовсе не демон и не призрачный дух, а человек из плоти, дочь князя, княжна Милорада.

Содержание

Глава 1. Смотрины	4
Глава 2. Рука и сердце	23
Глава 3. Еловый лагерь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Михалева

Гиблая

Глава 1. Смотрины

В чёрном небе над лагерем с криками низко кружили вороны. Их манила свежая кровь.

– Нам нужна только Гиблая! Отдайте её и останетесь живы! – призывы звучали снова и снова, перекликаясь с мрачным птичьим гвалтом.

Почему-то считается, что в такие моменты перед глазами в миг пролетает вся жизнь.

Неправда. Не вся.

«В деревнях о тебе рассказывают. Знаешь, непослушным детям что говорят? Будешь плохо себя вести – явится за тобой Гиблая да все кишки выпустит», – вот что всплывает в памяти, а совсем не то, что было до того.

***

– Просыпайся, Мирушка! – корова вдруг прекратила с азартом облизывать лоб и щёки, и затянула-запела голосом няньки Славы.

На голове коровьей – веноч из васильков, ярко-синих, как

октябрьское небо, на шее бубенчик. Глаза огромные и чистые, без отражения в них дум. А какие ресницы! Но пахнет от коровы не уютно-молочно: почему-то псиной несёт.

– Подниматься давно пора...

Корова таяла, а вместе с ней и луг. Осталось только яркое солнце, заглянувшее в окна светлицы – видно его, даже не размыкая век. И сразу ясно: сегодня будет хороший день. Мирапотяннулась, сонно улыбаясь, и поправила покрывало. Рука уткнулась в жёсткую шерсть, а затем её игриво прикусили. Вот почему корова пахла псиной и лизала лицо: это же Репка. Дворовый приبلудыш, хотя теперь она чаще в светлице Миры околачивалась. Толстухой стала.

Скрип половиц, быстрый топот – и вмешивается, бесцеремонно руша остатки дрёмы, звонкий голос сестры:

– Ты ещё в постели? Да как так? Все смотрины проспидишь!

Смотрины! В миг на радостное солнце будто накинули чёрную шаль. Мира села, столкнув на пол Репку. Да, смотрины: все сундуки открыты, накидки одна краше другой вынуты да разложены – тут красные, тут зелёные, а Слава, вся растрёпанная и взмокшая, новые достаёт. А сестра – та наоборот: ни волоска лишнего ни торчит из косицы Златы, ни пятнышка не видать на белой рубахе. Уж она-то пахнет свежестью, водой родника с молодым огурцом: по одному виду ясно, даже подходить и принюхиваться не надо. Но всё равно сама бледная, как та рубаха, малохольная, как будто всю кровь из неё упыряка хвостатый высосал.

– Поднимайся, Мира, все уже собрались! Тятя заждался, за тобой послал.

– Что, прямо с самого ранья и собрались? – буркнула Мира, неохотно спуская ногу с постели на нагретый солнцем дощатый пол.

– С какого ещё ранья? День на дворе!

Мира обернулась к окнам, за которыми так заманчиво-дразняще в ветках старой берёзы резвились – а может, дрались – синицы. И правда, день.

– Мы сейчас, Златушка. Скажи уж батюшке, что мы готовы почти, – примирительно напела Слава, по привычке говоря «мы», словно Мира – всё ещё дитя несмышлёное, которое, держась её за юбку, свои первые шаги шагает.

– И скажу, – фыркнула Злата и скрылась за дверью.

Смотрины... Уму немислимо, что отец вот так взял и решил продать Миру. Как тюк сена или мешок брюквы. Просто не верится!

– Ты всё равно ничего не поймёшь, – отрезал он, постукивая пальцами по столу и не глядя в глаза. – А кормить всех чем буду? Когда урожай пружь поела?

– Но почему я? – хныкала Мира.

– Потому что ты старшая! – отец громко хлопнул по крышке стола.

Злата лишь на два года младше, а счастливее в двести раз. Уж считать-то Мира умеет: не даром счетовод отцовский с малых лет своей мудрости обучил. Сестра дома останет-

ся, а она уедет неведомо куда. Разве что не с торгов, на которых кто больше дал, тот и товар получил. На них ещё за морских невольников покупают. Раз Мира с отцом на базаре в час торгов оказалась, и всё своими глазами видела. А невольник и в хозяйстве у них такой есть, князем Малыгой, соседом, подаренный.

Но нет, не торги будут: видимость создадут, что чуть ли не биться станут претенденты за Мирину руку, и будто бы лучший из всех её и получит. И клич уж давно кинули, чтобы со всех земель желающие собрались.

– Ты не горюй так, дело-то обычное. Я и сама так за вашего тятеньку замуж шла, – утешала накануне Милица, жена отцова, позвякивая серьгами да жемчугами – вся в золоте да камнях. Уж ей с чего печалиться: наследника родила князю, чего родной их мамке не удалось.

Забравшись обратно на постель, Репка как-то особенно жалостливо лизнула Миру в нос.

– Так что ты наденешь, Мирушка? – напомнила Слава.

Наморщив лоб, Мира глядела на накидки, но глаза вдруг намокли, и они расплывались. Только бы нянька не заметила! Утешать начнёт, и Мира разрыдается навзрыд, как в детстве. А потом придётся явиться перед всеми охотниками на неё с красным носом. Не будет им ещё и этой радости.

– Раздевайся.

– Чего? – опешила Слава. Аж рубаху выронила, которую крутила в руках. Повернулась к Мире. Выцветшие с годами

глаза, кажется, потемнели от удивления.

– Чего-чего, ты и ушами глуха стала? – с напускной грубостью огрызнулась Мира. Для себя эта грубость, не для неё: чтобы держаться. – Снимай свою одёжку, говорю. И мне отдай. А себе бери всё, что хочешь из этого, – она кивнула на сундуки и накидки.

***

– А головой-то она здорова? – громко прошептал кто-то, пока Мира шла по полутёмному залу приёмов.

Здесь и не догадаешься, что за стенами солнечный день. От десятков и горящих свечей, и собравшихся, воздух спёрт и нагрет – голова кружится, как бы не рухнуть под всеми взглядами.

А смотрят все. В зал, поди, всё княжество втиснулось, все деревни, и гости вдобавок – не зря же столько коней на привязи снаружи переминается, даже в обе большие конюшни не поместились.

И все разглядывают Мирино одеяние: штаны конюха, выменянные на расшитую накидку для его бабы, и грубую рабочую рубаху, вытащенную из сундука прислужниц в девицкой. Несговорчива сегодня Слава: уперлась, что не даст позориться девочке своей. И хуже только сделала. В нянькиной одежде, простой, но чистой, добротной, куда менее позорно вышло бы.

Поди, любой на месте Миры провалился бы вместе с полом и отправился гореть к нечисти прямо в бездну, а она миновала зал в целости и села за длинный стол по левую руку от князя, и не провалилась никуда – тем себя и утешала.

– Уж задам тебе, – прошипел отец, бросив косой взгляд. Щёки его покраснелись.

Милица справа от князя закусил губу и теребила тонкими пальцами конец шали. На Миру она старалась не смотреть. Но досталось и ей:

– А ты-то куда глядела?! Задам обеим!

А Златы не видно. Верно, где-то под столом без чувств от ужаса лежит. Багровея всё больше, отец отхлебнул из кубка, и кивнул на вопросительный взгляд советника, даже не взглянув в его сторону: привык и кожей чувствовал.

– На весь мир опозорила, – бормотал он.

– Светлый князь Ярослав Красимирович рад видеть всех в здравии и угощать всем, чем богато Полесье, – нарочито-радостным голосом начал советник.

Сердце вдруг заколотилось. Что же Мира наделала? Только сейчас стало боязно, что на сей раз заигралась, зашла дальше, чем следовало.

Хотя – да и чего терять? Всё равно ей быть проданной, как той корове. А вот и первый покупатель – князь Малыга, в деды годится Мире, не иначе. Глаза лукавые, слезящиеся, липкие.

– А что ж ты, свет-Милорада Ярославна, видать, охоте или

воинским премудростям каким обучена? – посмеивается он, намекая на её наряд.

Что ответить? Мира взглядом ищет помощи у отца, но тот на неё и не смотрит:

– Да как сказать, сосед. Ни в чём отказа она у нас не знала – вот и выросло, что выросло. Не то, чтобы на голову слабовата, этого нет, но дурна. Тут хозяину терпение пригодится.

– Она, Малыга Всеславич, всему женскому ремеслу обучена, – рискнула вмешаться Милица. – И вышить, и починить... Даже горшки обжечь может. Хорошей хозяйкой в доме будет. Только с характером.

– В отца пошла? – усмехнулся Малыга. – Это дело годное.

– Не для бабы, – поспорил отец. – Но добрый хозяин поправит.

А вот и следующий покупатель, князь Олег Далеборович. Этот хотя бы молод, но до чего надменное лицо! Глянул так свысока – и Мира в раз ощутила себя раздавленной мокрицей под его узконосым, почти женским сапогом.

– Как дни коротаешь, Мирослава Ярославовна? – он хотя бы не стал говорить об её одежде. – Каким наукам обучена? Знакома ли с грамотой?

На этот раз отец заступился:

– Милорада она. А читать не умеет. На что ей? Зато в счёте хороша, счетоводу моему, кто её обучил, теперь сама помогает.

– Тут не соглашусь, Ярослав Красимилович – а счёт-то на

что? С ним люди обученные сладят. А грамоту знать – всегда истории будут новые.

Отец хмыкнул. Он и сам читать не может, но, видно, не хотел признавать.

Княжеский сын Станимир из Берёзовой рощи, румяный, с выющимися светлыми кудрями, заставил сердце ёкнуть. Мира вновь пожалела о своём выборе одеяния и непроизвольно потянула заскорузлую рубаху вниз, словно желая стянуть под стол и спрятать под скатертью. Златокудрый княжич кривил губы в подобии улыбки и молчал, явно не зная, о чём говорить.

– Издалека к нам? – спросила Мира, хотя и так всем явно, откуда он.

Теперь недовольство со стороны Милицы: она бросила косой взгляд и громко вздохнула. Негоже самой разговоры заводить с женихами!

– Да не особо – тут через лес, там речка и будет овражек, – оживился Станимир, улыбаясь куда более натурально. – А ты?

– Что – я? – не поняла Мира.

– Бывала у нас?

Да, совсем ребёнком, и даже купалась в речке вместе с сестрой и покойной мамкой... Почему-то таким осталось последнее воспоминание о ней. Об этом говорить тоже не стоило, но верно подмечено, что слово не воробей: как вылетит, обратно не затолкаешь.

Откуда-то появилась Злата и силилась привлечь к себе внимание, озираясь и делая большие глаза.

– Да что тебе? Говори уже, – не выдержал отец.

– Тятя, там какие-то люди... Их вывести хотели, а они говорят, что на смотрины пришли.

Если уж всё равно никуда не деться и придётся выбирать, то выбор Мира уже сделала. Хорошо бы прямо сейчас о нём и сказать, чтобы покончить со всем, но так не положено – женихам ещё придётся показать, на что они способны.

– Что значит – вывести? Раз пришли, то и пусть заходят, – сказал отец.

– Но тятя... – взглянув на снова покрасневшего отца, Злата исчезла так же незаметно, как и появилась.

– Ох и дали мы им волю, – сетовал отец, выпивая с лукавым соседом.

– А что по весне у вас готовят? – спрашивал Станимир, переставляя с места на место пустое блюдо.

– А ну-ка все отошли!

Мира вздрогнула от рыка и не успела ответить.

Понятна тревога Златы: в зал вошли трое в мохнатых шапках, хотя и далеко до холодов, и каких-то обрывках шкур. Хотя Мира и не видела никогда головорезов с дорог, но тут же решила, что они выглядят в точности так.

– На смотрины мы. Куда тут? – заявил вошедший первым.

– Проходи, раз пришёл, – громко велел отец.

Гость приблизился, откровенно разглядывая стушевав-

шуюся Милицу. Красы-то ей на порядки больше Мириного отмеряно, вот на неё все и смотрят, правда, обычно не так непристойно.

А взгляд у гостя чёрный, страшный. Усы чёрные, борода. Шрам тянется через щёку. И даже со своего места чует Мира, как несёт от него шкурами, потом и чужим страхом. И землёй.

– И кто такой будешь? – спокойно спросил отец.

– Берислав я. Но я ж не к тебе на смотрины пришёл.

– А ты дерзок, – дёрнул бровью князь. – Но вот тебе наша невеста, – он кивком указал на Миру.

Разбойник разочарованно отвёл свои злые глаза от Милицы.

– Сынок, пропусти-ка... князя Берислава, – сказал отец Станимиру.

Тот неохотно встал – и гость тут же уселся.

– Не князь я, – заметил он. – Но тебе князь или мешок золота надобны?

Милица с осуждением покачала головой.

– Добрый зять нужен, – ответил отец. – Не князь и не золото.

Берислав фыркнул и наконец лениво взглянул на Миру.

– Как звать-то?

– Милорада Ярославна, – выдавила из себя она.

Не может же отец отдать её за... этого?

Он оглядел её и молча встал.

– А ты ничего. Ладная, – заключил он.

– Немногословен, – отметил князь Малыга.

Но обсудить не успели: зал всколыхнул ещё более поражённый гул, чем при появлении разбойников – или кем они были.

И не без причины. На сей раз на пороге совсем уж настоящее чудище, великан ростом чуть не выше ворот, с низким лбом и голой головой. Его маленькие глаза бегали, обшаривая зал. Одет он, словно его с Мирой одевали одни и те же безрукие и слепые прислужники: в такие же рабочие штаны и грубую рубаху.

– Матьер человеческая... – прошептала Милица и прикрыла ладонью красивый пухлый рот.

Отец играл скулами.

– Кто ж только не пожаловал...

Великан пришёл не с пустыми руками: с тяжёлым мешком, который бросил на стол перед князем. От него разлило кровью и пером.

– Вот. К твоему столу. Добыл на охоте.

– Благодарю... Э... Эй, люди, отнесите, – отец огляделся по сторонам в поисках помощников.

– Я Растич, – представился гость. – С Каменного ручья.

Мира вздрогнула, вспомнив название: нянька пугала, что там княжество людоедов.

Вблизи великан был так отчаянно страшен, что хотелось зажмуриться.

– А это тебе, княжна, – он достал из-за пазухи и положил перед Мирой резной камень на шнурке. У камня, кажется, были голова, пузо... и груди?

– Что это?

– Большая Ма. На счастье.

– Ммм... Спасибо, – пробормотала Мира.

Гость ощерился, показав обломки жёлтых гнилых зубов. Видимо, это улыбка. И отошёл.

– Давай заканчивать, – морщась, приказал князь советнику.

– Вы собрались здесь, чтобы показать свою удадь и славу – и самый умелый и славный получит руку и сердце княжны Милорады Ярославны, – встав со своего места, звучно начал тот. – Ждут вас, мудрые князи, три явных испытания и одно скрытое. Первое – показать удадь в добыче. Докажите, что сможете хозяйку прокормить. Добудьте пропитание, пока три раза часы не перевернутся, – он достал из-под стола и водрузил на него песочные часы.

– Уж поесть она любит, – заметил отец.

Женихи и гости, шумно переговариваясь, покидали зал. Вышел и князь Ярослав, выглядя озадаченным.

– Пойди-ка переоденься, – велела Милица. – Как ты могла так отца опозорить? Кто только надоумил?

«И не подумаю», – хотела сказать Мира, но тут же вспомнились белокурые кудри напротив. И вместо этого уточнила:

– Надоумил? Считаешь, я сама не могла?

Милица пожала плечами.

– Я бы точно так не сделала. Никогда.

Ещё бы. Для неё внешность на первом месте. Шаль её сползла, и Мира невольно зацепилась взглядом за слишком низкий вырез на груди.

Впрочем, дальше спорить она не стала. Бросив прощальный взгляд (и это было радостное расставание) на подарок великана на столе, она вернулась в свою светлицу.

– Разложи руны, нянь, – попросила Мира вышивавшую настенное полотно Славу, и принялась перебирать платья и накидки в сундуке.

– О, боги! – ужаснулась нянька, подняв глаза и увидев её наряд. – Что ты с собой сотворила, Мирушка? Неужто на людях такой показалась?

– Вот этот надену, – Мира остановилась на зелёном платье с жёлтой лентой.

– Хорошо к волосам, – согласилась нянька. – Приглянулся кто?

Мира улыбнулась:

– Всякое может быть.

Но тут же вспомнились разбойник и людоед, и мир снова потемнел.

Нянька сходила за своим мешочком с рунами, который хранила вместе с травами для лечебных отваров. С приятным стуком высыпались камни на крышку сундука.

– Тяни.

Мира послушно достала три руны. Нянька, перевернув их, сморщилась, потрясла головой и вернула обратно в мешок. Но Мира успела их увидеть, а за годы с нянькой научилась кое-что понимать.

– Что такое?

– Врут.

– Скажи, что там было! Потеря? Да? – она принялась трепать няньку за плечо.

– Лихо. Нежданное. Потеря и гибель – говорю тебе, врут они сегодня.

Снова туча пробежала по небосводу дня, но Мире совсем не хотелось ещё сильнее печалиться.

– Давай посмотрим, что про Станимира говорят!

– Про княжича из Берёзовой рощи? – нянька улыбнулась по-матерински, но лицо оставалось встревоженным.

Мира кивнула и вытянула из мешка ещё одну руну.

– Раскрытие чего-то... Что-то копать будет, – неуверенно объяснила нянька.

– Что копать? – не поняла Мира. – А со мной-то что?

Нянька покачала головой:

– Не хотят они говорить со мной сегодня, Мируш.

***

Мира успела и поесть луковых лепёшек, и немного вздремнуть, и купить ленты у проходившей мимо бродя-

чей торговли, когда дудка провозгласила конец состязания. Впрочем, женихи с трофеями успели вернуться прежде.

Станимир с выпачканными руками принёс в холщовом мешке и выложил робко на общий длинный стол у терема репу. Малыга, посмеиваясь, добавил десяток пирогов разных видов. Не уступил и надменный Олег – благо, у торговцев в снеди никакого недостатка, – только не пироги купил, сладкие лакомства: яблоки да груши засахаренные. Разбойник принёс свежую дичь, а людоед – целого кабана.

– Что ж. Сласти – хороши, но баловство, а вот пирогами точно можно прокормится. Князь Малыга Всеславич показал себя лучше всех, – решил отец.

Что? Такими темпами вместо Станимира Мира отправится к лукавому старику с сальным взглядом.

– Это не дело. Не было речи, что купить надо. Так всякий может, а ты попробуй добудь, – возразил разбойник. – Речь и шла про добыть. Твой человек при всех сказал. Так что заново решай.

Отец и Малыга переглянулись. А Мира больше не могла сдерживаться:

– Верно, тятя. Говорили – добыть, – вмешалась она.

Князь глянул недобро, разбойник – с усмешкой.

– Точно, князь, – подтвердил людоед. – «Добудьте пропитание» было сказано.

– Раз вы так настаиваете, будь тогда по-вашему. В таком случае... Что же ты, доченька, предпочтёшь: дичь или каба-

нятину? – спросил отец не без издёвки.

Мира посмотрела на разбойника с людоедом. Оба выглядели омерзительно.

– Я выращенное предпочту, а не убитое. И то, и то добыто трудами, – Мира взглянула на Станимира в надежде встретить улыбку. Но тот не улыбался.

– А не дура, – заметил разбойник.

– Выходит, победа за княжичем Станимиром, – не стал спорить отец.

Во втором состязании надобно было невесту одеть-обуть. Про добычу сказано ничего не было, так что на сей раз все женихи, кроме Растича, дали заработать местным торговцам, а у Миры появились новые шали, платья и нарядные сапоги – людоед заявил, что сделал их своими руками. Олег принёс меховую шубу, каких в Полесье не продавали, чем и завоевал благосклонность князя.

В третьем соревновании Миру полагалось развлечь. И здесь победил Малыга: он привёз с собой настоящий шатёр с куклами, ходившими и говорившими человеческими голосами. Куклы разыграли свадьбу прекрасной княжны – дочери мудрого князя. Все, забывшись, глядели на чудо, едва не приоткрыв рты. Разбойник сыграл на дудке, людоед исполнил жуткий танец – Мире хотелось зажмуриться, Станимир и Олег спели – и, объективности ради, голос второго оказался куда приятнее и лучше, как и слух.

– Раз такие дела, то победа достанется тому, кто пройдет

финальное испытание, – заключил князь. – А именно – верно ответит на вопрос о моей дочери. Если он был внимателен, и она ему любя, то ответит правильно.

А перед последним рывком решили поесть и выпить. Солнце давно закатилось, и Мира едва на ногах стояла от усталости и всех переживаний.

Она решила перекусить в одиночестве, а может, даже вздремнуть украдкой в стряпчей избе – но оказалась там не одна.

Стоны, вдохи, вскрики – темнота не дала сразу понять, что живое возится в глубине. Но взятая от притолоки и подожжённая лучина тут же раскрыла секрет: на бочках с маслом полуголая Милица, а на ней – смуглый заморский невольник.

Мира охнула и попяtilась. Милица, даже не поправив одежды, бросилась к ней, схватила за руки:

– Не говори никому! Не говори! – молила она.

Но потрясённая Мира лишь мотала головой. Милица – княгиня Полесская, не какая-то деревенская девка! – грязно блудит с невольником! А потом спит с её отцом!

Мира выбежала из избы, Милица, едва прикрывшись, и завязывая на ходу тесёмки платья – за ней.

– Подожди!

Но Мира не стала ждать – и остановились они лишь у большого костра, возле которого отдыхали и князь, и гости.

– Что с вами? Отчего такой вид? – спросил отец.

– Ничего, Ярославушка. Мы просто спорили, – поспешно оправдалась Милица.

Лживая блудница! Взглянув на её побледневшее, почти как у Златы, и совсем невинное с виду лицо, Мира ощутила такой прилив злости и возмущения, что выкрикнула при всех гостях, не успев подумать:

– Тятя, она... С невольником твоим... В стряпчей... Он её...

– Что?..

– Он её там имел!

В глазах князя промелькнули страх и сомнение. Он замер на миг, словно думал, а затем обернулся к своей жене и так ударил её по щеке, что она рухнула наземь.

– Уходи со двора, – приказал он и двинулся прочь.

– Всё, празднику конец? – уточнил кто-то из гостей.

– Ни в коем разе! – обернулся к нему отец. – Всё продолжится.

– Ты пожалеешь, – прошипела Милица, поднимаясь и держась за щёку.

– Что случилось? – тихо подкралась сзади и взяла под руку сестра.

Мира помотала головой. Она сама ещё не осознала, что случилось. Но едва она успела рассказать всё Злате, как дудка позвала собираться у костра. Отец тоже уже вернулся туда.

– Счастливым супругом Милорады Ярославны станет тот,

кто скажет, какое на ней пятно видное и где оно, – огласил советник.

Пятно? Какое ещё пятно? И тут Мира сообразила: речь о родимом пятне в виде бабочки – оно у неё виднеется в воротах, если рубашка распахнута либо же наклониться. Пожалуй, внимательный глаз мог и заметить. Был ли глаз Станимира таким внимательным?

– Я знаю ответ, – сказал твёрдый голос.

Глава 2. Рука и сердце

– Бабочка у княжны справа в воротах, на груди, – уверенно сказал Олег.

Растич, стоявший в проходе, занервничал, стал переминаясь. А Мира обмерла. До этих самых пор теплилась надежда, что всё какая-то нелепая игра. Да просто не может быть такого, что ей придётся покинуть родной терем и своё зелёное Полесье! Что не будет уютной светлицы, Репки, няньки, ласково перебирающей волосы по утрам, сестры, которая всегда так пытается угодить отцу, что её можно смешно разыгрывать. Даже маленького брата Могуты, хоть Мира его почти и не видит. Мал он ещё, чтобы выходить из материнской части дома.

И что теперь будет с ним? А с самой Милицей? На деле Мира не так уж и хотела её изгнания. По правде, она не знала, что и думать: отвращение боролось с сочувствием. Может, отец ещё остынет?

И ведь точно же не может он выдать Миру за того, кто не люб совсем.

– Обман! – рыкнул Растич и шагнул к костру, сжимая кулаки. – Ответ и я знаю!

– Но победа за тем, кто назвал его первым, – урезонил князь.

– Так в чём смысл, раз его всем подсказали? Кто первым

успел рот открыть? – Растич злобно и быстро оглядывал всех сразу маленькими бегающими глазами. – За тем и победа?

– Что значит – «всем подсказали»? – заинтересовался разбойник.

Отец морщился, словно его терзала боль.

– А то и значит!

– Погоди, кто назвал? Как? – настаивал Берислав.

– А так и назвал! Подошла ко мне она и сказала: бабочка в вороте.

– Кто – она?

– Да как кто, будто сам не знаешь? Мамка её, княгинька их!

Вот и обещанная месть: Милица попыталась устроить брак Миры с омерзительным великаном. Невероятная подлость! Мира теперь остро жалела о своём только что промелькнувшем сочувствии к ней.

– Что это ещё за игра у вас? Или тут всё сразу решено было? И мы подарки просто так привезли и отдали, а сразу было известно, кто победит? – разбойник встал.

Отец, признаться, сейчас выглядел жалко. Он как-то сгорбился, поник и потух, став похожим на дряхлого старика, а лет-то ему – если правильно Мира слушала счетовода да считала сама – чуть более четырёх десятков.

– Я ничего не знаю ни про какие договоры. Состязание было честным, – сказал он. – А княгиня Милица – она не княгиня больше. Наутро она покинет терем.

В толпе прыскали. Всем, ясное дело, уже про позор князя известно.

– А ну-ка скажи, – насел разбойник теперь на Олега. – А кто тебе дал ответ?

– Сперва не говори со мной так, – нисколько не теряя самообладания, надменно отвечал князь. – Я князь, а ты – чернь, не забывай своё место!

Лицо разбойника, перерезанное шрамом, исказила злая усмешка.

– Что ж, изволь, будь добр, дать ответ, светлый князь. Снизойди до прошения, – он наигранно низко поклонился. – Верно ли, что и тебе ...эээ... бывшая княгинюшка подсказала?

– Нет, не верно. Я сам родимое пятно приметил, когда с княжной говорил. И ты бы приметил, если б на невесту смотрел, а не на чужую жену.

Князь всё так же сутулился и багровел. И странно покачивался. Как бы удар не случился. Как ни злилась на отца Мира, а тревога сильнее. Захотелось броситься к нему, но удержала мысль, как бы ещё большего позора не сделать. Весь день это её не заботило, а теперь – вот так.

– И победа – моя. Честная победа, – подытожил Олег. – Верно, князь?

– Верно, – устало кивнул отец и продолжил безжизненно. – Объявляю: руку моей дочери получает Олег Далеборович.
Нет! Этого не может быть!

– Обман! – снова заревел Растич.

– А что с подарками? – спросил Берислав.

– Отец, молю: не надо! – воскликнула Мира, снова не успев сначала подумать.

– Победить-то ты победил, а толку с того? – Милица успела привести себя в порядок, спрятать страх и унижение где-то внутри, и, выйдя к костру, как всегда, видом своим усладила взоры. Но такой Мира её не знала: не она робко опускала глаза, и не думая перечить, ещё и на людях, и тому учила своих падчериц? – Ведь известно всем: от хворобы ты долг супружеский выполнять не можешь и наследника не произведёшь. Что, конюху молодую жену подложишь?

Князь Олег побелел:

– Что ты несёшь?

– А что, неправду говорю, что ли? Может, докажешь? – хмыкнула Милица. – А я наутро и в самом деле покину Полесье. Став княгиней Малыги Всеславича. Я принимаю предложение, – Милица поклонилась старику.

Это точно сон. Отец прикрыл лоб ладонью.

– Я просто так это не оставлю, – громко прошептал Олег.

Милица улыбнулась всем самой сердечной из своих улыбок и направилась в сторону терема. Князь Малыга вскочил, ни на кого не глядя, и поторопился за ней. Так, выходит, она и с ним?..

– Проклятая, – сказал отец и сел на лавку.

– Вот что, князь, – подошедший разбойник возвышался

над ним стеной. – Мы проделали долгий путь и щедрые подарки привезли. Отдавай мне хоть кого, любую свою дочь, но с пустыми руками я не уйду. Миром если решим – золота дам. В твоих же всё интересах, а то как бы и вовсе княжества не лишиться. Не смотри, что я простых кровей – войско у меня немалое и обучено хорошо.

– Как она узнала? – невпопад спросил отец.

– Что узнала? – не понял разбойник.

– Как Милица узнала о болезни?

Берислав хмыкнул.

– Ты серьёзно? А сам как думаешь? Как о таком можно узнать? Стало быть, была попытка проверить.

– Не вижу смысла здесь оставаться. Двинемся в путь. Пусть княжна собирается, – заявил Олег.

– Ну, князь, ты ж князь, тебе и решать... – настаивал Берислав. – Я и золота дам больше, и с защитой помогу. Или всё наоборот будет... Решай.

– Победа нечестная, – продолжал Растич.

И лишь Станимира не видно: не сильно стремился в жёны Миру-то получить.

– Будь по-твоему, – кивнул князь. – Милорада твоя.

Те, кто стоял поблизости, ахнули. Шёпоток пробежал по толпе, и всё стихло. И лишь Мира не понимала, что происходит.

– О чём ты говоришь, Ярослав Красимирович? Совсем нет в тебе чести? Ты только что отдал дочь мне! – поразился

Олег.

Разбойник смеялся.

Не в силах больше всё выносить, Мира бросилась в свою светлицу, мечтая лишь об одном: укрыться в объятиях няньки. Выплакавшись, она так и заснула, уткнувшись в её грудь, как в детстве, но сон был нервным и недолгим. Ещё не рассветело, как по двору стали метаться факелы и раздались крики:

– Он её увёз! Она пропала!

Подняв всё ещё не просохшее от слёз лицо, Мира смотрела на удивлённую няньку.

– Кто пропал?

Та непонимающе качала головой. Обе они поспешили к окну и высунулись, пытаясь понять, что происходит. Но видно то же, что и слышно: все метались, и по двору с лаем, мельтеша под ногами и получая пинки, носилась Репка.

– Что случилось? – крикнула людям Мира хриплым от сна и слёз голосом.

– Княжна пропала! – ответил один из конюхов.

– Её людоед скрал! – дополнила прислужница.

Мира опустила на пол, прикусив зубами кулак. Да, это сон. Весь этот безумный день – лишь сон! Не может такого быть!

– Ох, моя девонька, – заплакала нянька. – Не уберegli...

Впустили на двор проклятого...

Не в силах выносить её плач и собственную боль, Мира

накинула шаль на своё нарядное платье – она так и уснула, не раздеваясь, – и вышла из терема. Как раз увидела, как за ворота со свитой уносится князь на своём белом коне.

Проклятый предатель! Он дважды продал Миру за один вечер – и продал разбойнику! Пришлось снова до боли закусить свою руку, чтобы не зареветь в голос от накатившего ужаса. Нет у Миры больше отца!

И тут она почти налетела на спешно укладывающуюся телегу Малыги. Это даже хорошо: тут должна быть Милица. Перепуганная Мира успела и позабыть, что стала причиной мачехиногo изгнания. Может быть, та слышала что-то о Злате?

– Тут ли княгиня? – спросила она у людей Малыги.

Один пожал плечами, а другой хмыкнул. Но тут показался и сам Малыга, и выглядел он немногим лучше отца накануне: жался и прятал глаза.

– Что с моей сестрой? – спросила Мира.

– А мне почём знать? Сами тут разбирайтесь. Проклятое логово, – просипел он.

Проклятое логово?..

– А где Милица? – настойчиво продолжила Мира.

Малыга поднял на неё свои лукавые слезящиеся глаза. И сплюнул на землю.

– Шлюха ваша с княжичем молодым сбежала ночью.

Слова не сразу достигли сознания. А тогда это случилось, Мира застыла и стояла, как каменное изваяние, а галдящие,

спешащие люди так и текли через неё. Гости торопливо покидали двор, скрипели телеги. А Мира всё стояла в полусне.

– Собирайся, княжна. Впереди долгая дорога, – вывели из оцепенения слова разбойника. Мира вздрогнула.

– Нет. Я дождусь сестру. Отец уехал за ней.

Берислав усмехнулся.

– Отец твой уехал, чтобы с тобой не прощаться. Никто не будет искать твою сестру. Слабое княжество Полесье... А Растич пришёл за женой – и ушёл с женой.

Он прав. Он прав! Каждое слово било в цель, причиняя такую боль, что лучше бы она засунула руку в очаг – болело бы меньше.

– Собирай все свои шубы да жемчуга и в телегу, – велел разбойник.

Мира помотала головой.

– Нет. Я ничего не возьму.

– Ещё как возьмёшь.

– Нет, – отрезала Мира. – Так пойду.

– Ты подумай хорошо, – вдруг сменил тактику разбойник.

– Простись с няньками-мамками. Кто знает, как оно дальше сложится?

Но Мира уже всё решила.

– Где твоя повозка? – спросила она.

Разбойник указал пальцем на непокрытую телегу, у которой переминались гнедые кони. Не оглядываясь назад, Мира пошла к ней, украдкой смахнув слезу, и неловко забралась.

– А где твои вещи? – спросил её один из спутников разбойника. Он снял меховую шапку, и теперь его голова была обмотана тёмным платком.

– Без них хочет ехать, – ответил за Миру Берислав.

– Мы и своё не заберём, что ли? – удивился тот, что в платке.

– Мы своё уже взяли, – фыркнул Берислав. – Где Кабан? Пора выдвигаться.

***

Когда телега проезжала через княжеские ворота, Мира зажмурилась. И долго не открывала глаза, но запах листвы и тёплой родной земли всё равно проникали в неё, как и стрекот жуков и пение птиц. Вот бы ещё заткнуть и нос, и уши! Она так и сидела, зажмурившись, пока один из разбойников, тот, что в платке – он шёл рядом с телегой – не потряс её за плечо:

– Ты там как, живая?

Мира кивнула и огляделась. Они уже углубились далеко в лес.

– Долго ехать? – спросила она.

– Семь дней пути.

Она старалась ни о чём не думать, не вспоминать. Исчезнуть, слушая, как переговариваются разбойники, как чирикают птахи в ветвях, и глядя, как поспешно удирает выбежавшая на дорогу лисица.

– Так ты теперь князь, Бес, – заметил правивший лошадыю

толстяк, которого называли Кабаном.

Он тоже скинул шапку, обнажив лысую голову с выбитым чёрной краской изображением дерева на макушке.

– Князь и есть. Вот свадьбу сыграем – так вообще для всех буду князем, – подтвердил жених Миры.

Она сглотнула. Реальность постепенно возвращалась. Неужели это всё? Неужели нельзя было иначе? Ну отчего она так легко согласилась вместо того, чтобы просто запереться в светлице? Не стали бы её оттуда вынимать силой? И пусть отца у неё больше нет, а всё же Полесье – дом.

– Скоро привал сделаем, – обещал тот, что в платке. Его звали Вторак.

Если так подумать – они неспешно ехали не больше нескольких часов. А Мира, хоть и княжеская дочь, но, в отличие от Златы, по лесам и лугам гулять не гнушалась и дорогу обратно точно найдёт.

Вскоре, как и было обещано, они остановились на поляне у ручья. Толстяк с флягой ушёл за водой, пока Вторак разводил костёр, а Берислав оглядывал колесо телеги, которое стало их беспокоить.

– Ты куда это? – насторожился он, когда Мира отошла к деревьям.

– По природе... – объяснила она.

– Далеко не ходи. Косолапый бродит, следы по пути видели.

Стараясь скрыться за толстыми стволами, Мира отступа-

ла в глубину леса. А когда решила, что отошла достаточно, побежала.

Миновала ручей, то и дело оглядываясь, чуть замедлилась, переводя дух. Если и ищут её, то они ещё далеко! Она ускорила снова, и тут словно огнём пронзило левую руку чуть ниже плеча. Этот огонь сбил с ног, и Мира упала во влажную траву лицом. Кто-то поднял её и, как добычу, закинул себе на плечо. Она видела широкую спину и чёрный длинный платок.

Молча разбойник нёс её через лес – а потом сбросил на землю у костра, как освежёванную косулю.

– И умотался я... – утёр он пот с лица. – Тяжела, Бес, твоя невеста.

Ненужные, унижительные слёзы вновь потекли по щекам. Быть может, от боли. Рука горела.

– Хорошо поохотился, Вторак, – засмеялся Бес и склонился над Мирой. Миг – и огненная боль снова пронзила, вызвав из самого нутра истошный крик. Он вырвал стрелу и отбросил. – А я говорил тебе – далеко не ходи.

Бес отстегнул от пояса нож. Мира смотрела на него, не моргая. Это – конец? Конец? Но почему такая пустота?

Но Бес не стал резать ей горло, а вдруг схватил за рыжую косу, переплетённую нянькой. Раз – и она упала на землю. Два – и отправилась пинком в костёр. Вспыхнуло. Запахло жжённым волосом.

– Это урок тебе, дуре. Кабан, неси верёвку. Хочет гулять

– будет гулять.

Миру, лежащую на земле, плотно обвязали за пояс, подняли за ноги и привязали второй конец верёвки к телеге. Теперь в ней ехал Вторак, и глаз с Миры не спускал. Берислав сел на коня и следовал сзади, глядя в спину.

Когда остановились на ночлег, Мира рухнула на землю кулём, совсем не чувствуя разбитых ног. От усталости и боли их сводило судорогой. Временами телега припускала, и за ней приходилось бежать.

– Помрёт так, да и все дела. И всё зря, – слышался голос Вторака.

– Да делай, делай, – согласились с ним.

Кто-то присел рядом с Мирой в траву и взял её за плечо. Собрав все свои силы, она отшатнулась.

– Надо перевязать, – сказал Вторак.

Снова мелькнуло в темноте и отблесках костра лезвие – и вымокший в крови рукав располосован до самого верха. Вторак промыл рану водой из фляги, намазал какой-то пахнущей травами мазью, перевязал чистой тряпицей.

«Зачем?» – хотелось спросить, но на это не оставалось сил.

После он снял башмаки Миры и перевязал ступни. И оставил, но ненадолго: вернулся с жареным мясом. Как ни была она измучена, но поела с аппетитом. И немного сил вернулось. Как раз хватило на вопрос:

– Вы меня убьёте?

– Убьём? – удивился Вторак. – Нет, конечно. Бес на тебе женится. А так ты сама виновата. Дурой не будь.

Как поняла Мира, это по его настоянию ей позволили спать не на сырой земле, а в телеге. И как бы ни была ужасна наставшая реальность, она легко уснула, укрытая какими-то шкурами, но всё так же обязанная за пояс верёвками.

И даже сон видела. Снилось Милица: как, смеясь, она играет в ладушки с сыном. Как-то братец без мамки? Легко же она его оставила. Сбежала с красивым княжичем, как воровка. А ведь терять уже ей нечего, могла и сына забрать.

Наутро, как все проснулись, и Кабан дёрнул за верёвку, побуждая вылезать из телеги, Мира взмолилась:

– Не могу идти. Всё болит. Помру я.

– Ты посмотри на неё! – возмутился Кабан.

– Да оставь, хватит с неё, – отмахнулся Бес, усаживаясь на коня.

Двинулись в путь.

Глава 3. Еловый лагерь

К середине пути лес сменился, потемнел из-за елей.

– Держи, – Бес протянул в кулаке и высыпал на ладонь Миры какие-то орехи. Странные, тянуще-кисловатые, и в то же время – не оторваться.

Её всё так же держали на привязи, но больше бегать за телегой не заставляли. А по природной нужде разрешали зайти за дерево, пока кто-то из них – обычно, Вторак – держал верёвку.

Никто, кроме него, с ней особо не заговаривал, а он всё больше спрашивал о самочувствии – болит ли рана, голодна ли.

Между собой они тоже чаще молчали, а если и говорили, то Мира особо не понимала суть. Ясно только, что о каких-то грабежах, выкупах да набегах.

Прошло дней пять, когда Бес спросил:

– Дурить не будешь?

Мира не знала, к чему он клонит, но изо всех сил помотала головой. Тогда он ловко развязал верёвку.

– Не невольницей же едешь. Невеста, как-никак.

Стало быть, разбойничий лагерь уже близко. И ему нужно, чтобы Мира вошла в него добровольно. И, сдавалось ей, если не подыграть, то как бы хуже бега за телегой не стало.

То, что там ждёт, очень страшило. Мира изо всех сил ста-

ралась не думать об этом. Зачем изводить себя заранее: жуткое будущее всё равно неотвратимо наступит и вынудит это сделать.

Не менее сильно не хотелось думать и о прошлом. О доме. Но он всё равно просачивался в мысли, возвращался во снах и дорожной полудрёме. Вот Репка ласково лижет в нос, смеётся нянька, дуется сестра... Эх, Злата-Злата, её-то участь ведь ещё горче! И что за отец породил их, если отдал свою плоть и кровь на такое страшное растерзание...

Солнце скрылось в очередной раз – Мира уже бросила считать дни, но минуло их немало – и впереди показался высокий частокол с факелами на стенах: ограда, достойная княжеского двора. Ворота, запертые, очевидно, на ночь, распахнул вооружённый страж.

– Бес вернулся! – закричал кто-то, как въехали во двор.

Впереди горел огромный костёр. Мира зажмурилась, но тут же раскрыла глаза.

– Приехали, слазь, – сказал Бес и протянул руку.

Мира неловко сошла. Ноги почти зажили, но затекли в дороге.

Их обступили разбойники. Никаких сомнений в этом не оставалось, даже если бы Мира и не знала бы, куда её привезли.

– Это и есть княжна? – со смехом сказала крепкая рослая женщина с большой грудью, выглядывающей из выреза, и длинными волосами, заплетёнными в десятки тонких ко-

сиц. Было что-то животное в её яркой красоте. – И всё ради неё? – она ухватила Миру за подбородок. – Неказиста.

– С дороги устала, – ответил Бес.

Мира не совладала с порывом: ударила по схватившей её руке. Женщина скривилась в ухмылке, разбойники расхохотались.

– Что, Лада? Обломала зубы? – спросил кто-то.

– Так уж и обломала, – с усмешкой она приподняла свою грудь, едва не полностью обнажив её.

Мира не знала, как, но поняла – она любовница Беса.

– Пошли, княжна. Жениться будем, – сказал он.

Ком встал в горле. Как? Прямо сейчас?

– Подготовь невесту, Лада, – велел Бес.

– Слушаюсь, – с той же ехидной ухмылкой, тем же тоном, говорящим отнюдь не о послушании, отвечала Лада. – Пошли, – она кивнула в сторону шатров.

Мира последовала за ней, не особо осматриваясь, но всё же видя десятки шатров и костры тут и там. Большой лагерь, но временный: такой легко сдвинется с места, ведь из основательного здесь только забор. Заметив обгорелый остов, Мира остановилась. Что это было?

– Что встала? А, тут терем князя прежнего стоял. Мы пожгли, как пришли, – объяснила Лада.

Сожгли? А самого князя... убили?

– А ограда? – вместо этого спросила Мира.

– Ограда хороша. Она и нам теперь служит.

Разбойники заняли княжеский двор. Вот чем Бес угрожал отцу.

Лада завела Миру в один из шатров, где стояло корыто с водой и ждала смуглая прислужница, укутанная в белое с головой.

– Отмой её как следует, – распорядилась Лада прежде, чем выйти.

Мира охотно погрузилась в тёплую воду, позволяя себя оттереть. Рану от стрелы щипало. Наверное, её не следовало мочить, но подумать о последствиях можно будет и потом. Вода приятно пахла цветами, и будь её воля, Мира бы так и осталась в корыте. Прислужница улыбнулась, неуловимо напомнив няньку и дом.

– Как тебя зовут? – спросила Мира.

Та помотала головой и показала на рот.

– Тебе запрещено говорить?

Прислужница снова помотала головой, приоткрыла рот и указала туда, где должен быть язык.

– У тебя нет языка? – похолодела Мира. – Это они? Разбойники?

Девушка закивала. Она взяла Миру за руку и стала водить по коже пальцем, будто чертя какие-то знаки.

– Это что? Ты что-то пишешь?

Она кивнула.

– Что?

Она ткнула пальцем на себя.

– Своё имя?

Снова кивок.

– Я не знаю буквы, – с сожалением сказала Мира.

В чём-то был прав униженный князь Олег. И досадно, что даже прислужница разбойников в лесном лагере знает грамоту, но не княжеская дочь.

– Готово? – завеса шатра распахнулась, показав Ладу. – Нет? Что так долго? Ладно, уж помогу.

Миру стали вытирать, и руки Лады заботливыми точно было назвать нельзя. Затем вдвоём с прислужницей они надели на неё непривычное блестящее платье и сапоги на шнуровке, а белья не дали.

Лада коснулась пальцем стриженных волос Миры:

– Что, у вас так ходят?

Ни за что она не признает, что её так изуродовал Бес.

– Да.

– Некрасиво же.

– Красиво.

– Мужикам не нравится. И за косу не потаскаешь, – отметила Лада со знанием дела. – Но ты вся такая себе. Смотреть не на что.

Когда она решила, что Мира готова, то, взяв под локоть, случайно или намеренно нажимая на рану, отвела к большому костру.

– Это всё ничего не значит, поняла? – шепнула, отпуская. – Бес мой.

– Значит, – неожиданно для себя сказала Мира, будто лукавый домашний доброжил ткнул её под ребро. – Он мой. Он мой муж.

Лада, вздёрнув брови, всмотрелась в её лицо.

– Ты просто вещь. Ты его добыча, – усмехнулась она.

– Нет. Я – княжна. А ты, – вдруг вспомнилось выступление Олега. – Ты – просто чернь.

– Ах ты...! – Лада замахнулась, но рука не успела опуститься:

– Лада! – гневно крикнул Бес.

Мира пошла к костру, но что-то – наверное, все перенесённое в проклятой дороге и накануне неё – заставило её обернуться:

– Но так и есть.

– Я тебе припомню, – пообещала Лада.

Сначала Милица, а теперь и она. Мачеха слово сдержала: если бы не её проделка, быть бы Мире сейчас не в этом жутком лесном лагере, а в тереме Олега. Вряд ли бы ей там понравилось, но это точно было бы лучше этой ужасной участи. А теперь Мира зачем-то, как будто тягот ей не хватало, завела нового врага, который наверняка слово держать умеет не хуже Милицы. Внутри противно скребло.

Севшей у костра на указанное место Мире протянули кубок. Она не хотела из него пить, но пришлось: Бес настаивал и подталкивал. От сладкого красного вина потеплело, и всё поплыло. Слишком крепким оно оказалось.

– Славим князя Берислава! – топали и хлопали разбойники, и всё сливалось в общий гул. – И жену его!

Мира много знала о супружеских обязанностях: их на её глазах с самого детства нередко исполняли те, кто в супружестве и не состоял. Но она никак не могла представить, что Бес перевернёт её на спину прямо у костра и возьмёт на глазах у всей улюлюкающей толпы. Переживая новую боль, она ощущала, как слёзы текут по щекам, скатываясь наземь, и раздирающую пустоту. И жалела лишь об одном: что мало пила из кубка, когда в него подливали.

Круговерть в красных отблесках костра продолжалась – красная кровь на блестящем платье, красный огонь, красное вино. Забытьё всё же настало и сознание Миру покинуло. Оно возвращалось вспышками: вот кто-то ведёт её в шатер. Вот кто-то гладит по остриженным волосам.

– Няня, – шепнула Мира – язык от хмеля едва шевелился – и громко разрыдалась.

***

А после настало утро. Она лежала на постели – не домашней, соломенно-мягкой, уютной и пахнущей травами – а жёсткой, высокой, со звериным запахом шкур – и смотрела вверх, в ткань шатра.

Зачем продолжать быть? Ответа нет. Если Мира снова попытается убежать – её опять поймают, покалечат и подвергнут новым унижениям. Но выход все-таки есть: вон из этой жизни, которая, не успев толком начаться, уже, как видно,

завершается.

Завеса шатра откинулась, и вошла маленькая прислужница, с головой укутанная в белые покрывала, как и накануне. Большие тёмные глаза её грустные, как у той коровы из сна. Она присела у постели, указала на плечо Миры и свою носу: принесла в корзинке тряпки и мазь. Мира помотала головой. Зачем? Ни в чем больше нет смысла. Немая достала из своей корзинки лепёшку. Желудок заныл, но Мира опять покачала головой. Прислужница ткнула пальцем свой рот, а потом горло, как будто перерезая. Затем помотала головой и несколько раз показала пальцем вверх.

– Тебе хотели перерезать горло, но не стали, потому что боятся кого-то наверху? Твоего отца?

Красивые тёмные глаза удивлённо расширились. Прислужница опять помотала головой. А потом скинула покрывало – она оказалась бритой. Она вновь

Невольница показала на свой рот, затем на темя, после опять перерезала горло, покачала головой и пошевелила пальцами – как будто бежит.

– Ты хотела убежать и тебя наказали? Меня тоже, – сказала Мира.

Уж ей-то можно признаться: никому не расскажет. Или расскажет? Вот так же, жестами?

Прислужница кивнула, но потом опять помотала головой.

– Не только это?

Она кивнула. И опять перерезала себе горло и показали

ноги.

– Ты что, пыталась убить главного?

Она наклонила голову на бок, задумавшись. Потом пожала плечами и слегка улыбнулась. И снова предложила перевязать плечо.

– Ладно, – Мира протянула руку за лепешкой.

Та оказалась пресной и жёсткой: Мира едва её разжевала. Любопытно, что всё же пыталась сказать прислужница? Когда она встала и стала складывать обратно в корзину свои припасы, Мира увидела на её затылке дерево.

– Стой! У тебя дерево на голове.

Она обернулась и старательно закивала.

– И у Кабана дерево! Он тоже невольник?

Да. Прислужница махнула в сторону выхода, явно призывая пойти за ней. Мира встала, морщась от боли.

В свете дня лагерь выглядел больше, чем ночью. Но сейчас он тих: ни галдежа, ни звона, ни огня костров. Прислужница указала на стены с кольями.

– Да, я знаю. Через них не перелезть, и разбойники сторожат их.

Опять нет. Девушка потянула Миру за рукав, и вскоре им открылся ещё один обугленный остов – такой, как уже встретился вчера.

– Здесь был княжеский двор.

Да. Прислужница ткнула себе на затылок.

– Это как-то связано с деревом? С тобой? С Кабаном?

Всё верно. И как? Она показала на Миру, на себя, на остов, на дерево. Да что же она хочет сказать? Всё ещё одурманенный разум с болью отказывался шевелиться. А прислужница продолжала показывать одно и то же. Потом схватилась за голову.

– Дерево – знак того князя? – наугад сказала Мира, но судя по реакции, угадала. – Тут твой двор? – и угадала снова.

Аккуратная, знающая грамоту и лекарство прислужница и не походила на заморскую дикарку с рынка невольников. Разве что немного, смуглой кожей. Ещё одна догадка шевельнулась:

– Ты... Дочь князя?

Та наклонила голову набок, кивнула и помотала головой – почти?

– Жена? Ты жена князя?

Мира снова угадала. И сглотнула, ощутив прилив ужаса от очередного подтверждения того, что слова Беса её отцу совсем не были пустыми угрозами.

– Это... чудовищно, – она собралась, чтобы подобрать годное слово.

Но невольница снова показывала перерезанное горло, которое затем отрицала, и ноги.

– Ты хочешь не резать горло, а сбежать?

Не она, а Мира.

– Ты мне советуешь не делать это? С собой?

Бывшая княгиня улыбнулась. Её участь точно страшнее

Мириной, но всё же она считает, что отсюда можно сбежать. А если и правда так? Если и впрямь получится? То, что первая попытка не удалась, ещё ничего не значит.

Жаль только, что не говорит княгиня, да и имени её не узнать никак. Тем временем, она взяла ветку и начертила на земле какой-то знак, похожий на бабочку. Схож с руной, которые раскидывала нянька, но всё ж не то: руны Мира помнила.

– Что это?

Прислужница присела на корточки, всматриваясь в траву. Потом быстро указала туда палкой. Мира всмотрелась:

– Там жук.

Кивнув, спутница начертила на земле крышу терема. И по очереди показала на шалаш, остова домов, и обрисовала весь лагерь.

– Дом?

Она подтвердила. Теперь настала очередь руны, похожей на тревожную вышку. Прислужница стала широко открывать рот, пальцами призывая сделать тоже самое и Миру.

– Ааааа...

Да. А сейчас – два столба с перемычкой по середине. И опять перерезанное горло. Пояс, резать. Колоть.

– Нож?

И снова Ааааа. Мира смотрела на странный ряд палочек на земле, морща лоб. И чуть не захлопала:

– Ждана!

Улыбаясь, прислужница стёрла надпись носком ботинка.

– Так я что, теперь грамотная? – поразилась Мира.

Ждана рассмеялась и снова принялась чертить палочки на земле – много, очень много. Но четыре из этих новых рун Мира уже узнала. Кто бы сказал, что в лагере разбойников ждут такие открытия!

У шатра ждал Кабан со связкой палок.

– Вот, принёс, – сказал он, но Мира ничего не поняла.

– Зачем мне это? – удивилась она.

– Не знаю. Сказано принести, я и принёс.

Они зашли внутрь.

– Кем сказано?

Ждана отмахнулась.

– Он что, твой брат? – Мира подумала о дереве на затылке.

– Стражник я, – сказал Кабан. – Мирослав.

Но как стражник бывшего князя стал приближенным разбойника? Мысли крутились, возвращаясь почему-то к Милице.

– Но как...

Кабан молча вышел из шатра. Ждана взяла Миру за руку и ул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.